

**Социально-психологический роман на современном чешском книжном рынке (творчество Алены Морнштайновой)**

Кожина Светлана Анатольевна  
Младший научный сотрудник  
Институт славяноведения РАН  
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация  
E-mail: lana-0391@mail.ru  
ORCID: 0000-0002-6539-1941

**Цитирование**

*Кожина С. А.* Социально-психологический роман на современном чешском книжном рынке (творчество Алены Морнштайновой) // Славянский альманах. 2021. № 3–4. С. 296–310. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.03

Статья поступила в редакцию 28.08.2021.

**Аннотация**

Современный чешский литературный рынок (после 1989 г.) претерпел значительные изменения. Отразилась на его развитии, в частности, коммерциализация сферы культуры. В статье дается характеристика актуального литературного процесса в Чехии, приводятся наиболее успешные (в первую очередь с коммерческой точки зрения) произведения с целью попытаться проследить наиболее яркие тенденции в современной чешской литературе. Приводится обзор современных чешских литературных премий, номинаций, а также произведений-участников. Особый акцент в статье сделан на феномене роста популярности произведений, отражающих события недавней истории (вторая половина XX в.). В качестве примера реализации данных тенденций приводится анализ произведений популярной чешской писательницы Алены Морнштайновой «Контурная карта» (2013), «Отельчик» (2015), «Гана» (2017) и «Тихие годы» (2019). Отдельное внимание при характеристике романов уделяется месту в них исторических сюжетов и мотивов, а также их влиянию на модификацию жанра социально-психологического романа в современной чешской литературе. Особого внимания заслуживает способ художественной переработки Морнштайновой исторического материала, использование его в качестве приема для характеристики

психологических трансформаций персонажей, создания эффекта сопричастности у читателя (посредством «узнавания» себя и своей истории жизни в истории жизни героя).

Ключевые слова

*Современная чешская литература, бестселлер, Алена Морнишайнова, социально-психологическая проза.*

Чешская литература после 1989 г. на протяжении последующего десятилетия пребывала в поиске новых эстетических платформ. Состояние общества, как и состояние литературного процесса того периода, И. Кратохвил охарактеризовал как «возобновление хаоса»: дефрагментированность, неупорядоченность и утрата заданных извне ориентиров, с одной стороны, разрушили привычный для чешской литературы идеологизированный вектор развития, с другой, однако, создали условия для развития бесконечного множества платформ и течений литературы и искусства в целом. Лишь в начале нового тысячелетия чешская литература обрела более четкие грани, восстановив естественную (обоснованную внутренними тенденциями) линию развития и сохранив плюрализм 90-х гг., но более четко оформившись в рамках отдельных течений, некоторые из которых стали магистральными и отчетливо прослеживаемыми в печатной продукции Чешской Республики на современном этапе.

Так, например, одним из самых ярких, популярных (в том числе и с коммерческой точки зрения) явлений стали произведения, основная идея которых — возвращение к современной истории, истори-

---

1 См. статью И. Кратохвила «Возобновление хаоса в чешской литературе» (*Kratochvil J. Obnovení chaosu v české literatuře // Literární noviny. 1992. Č. 47. S. 5*). Автор указывает на то, что характерным для чешской литературы на протяжении ее развития являлось сохранение определенного «послания»: «<...> начиная от обязанности быть народообразующей институцией, приказа расцветать во имя чести и славы народа, службы разным идеологиям и казарменной муштры, чтобы служить народу, отображения действительности и реалистического изображения, и заканчивая склоном в политическую оппозицию шестидесятых <...>» — [здесь и далее перевод наш. — С. К.]; в то время как в 1990-х гг. литературный процесс, напротив, отличается отсутствием доминирующей идеологии или центрообразующего типа мышления, что приводило к «необычному состоянию» как для писателей, так и для читателей.

ческий материал может как становиться фоном для всего основного действия, так и реализоваться в рамках отдельных сюжетных линий. Недавнее прошлое позволяло лучше отрефлексировать современность: контраст, возникающий при совмещении событий прошлого с событиями настоящего, — вероятно, один из наиболее действенных способов взглянуть на них под нетривиальным углом, проанализировать индивидуальные и коллективные травмы прошлого, сформировавшие современность<sup>2</sup>. В рамках целого ряда подобных текстов, отображающих события недавнего прошлого, можно также выделить несколько группных подтечений:

— фактографические произведения, стремящиеся к большей объективности и правдивости изложения материала. Часто в жанре мемуаров, романов-дневников или романов в эпистолярном жанре (дневниковые записи чешского режиссера П. Юрачека, дневники и корреспонденция И. М. Ироуса, автобиографические произведения и заметки З. Сверака и др.);

— психологические романы с темой рефлексии и саморефлексии. К данной подкатегории можно отнести как произведения, основной темой которых является изображение межличностных отношений (романы М. Вивега «Вишибалы» / *Vybíjená* (2004) — история взросления и описание современных проблем одноклассников), так и произведения, затрагивающие изменения в социальной и политической структуре общества (например, произведения Е. Кантурковой «Нечас» / *Nečas* (2000) и «Вы нам тоже: моменты из жизни» / *Vy nám taky: momentky života* (2008), романы Вивега «Лучше годы с Клаусом» / *Báječná léta s Klausem* (2002), П. Гуловой «Сторожи гражданского добра» / *Strážci občanského dobra* (2010) и др.).

Особенно коммерчески успешными стали последние из перечисленных романов благодаря попытке в саркастическом ключе рассмотреть современное состояние общества и определить возможные причины возникновения наиболее серьезных проблем в прошлом. Частой темой подобных текстов, балансирующих на границе традиционного социально-исторического романа и сатирического, игрового подхода к повествованию, становилось состояние общества в период нормализации. Все чаще в произведениях данный период предстал не только как время

---

<sup>2</sup> Fialová A., Hruška P., Jungmannová L. V souřadnicích mnohosti: Česká literatura první dekády jednadvacátého století v souvislostech a interpretacích. Praha, 2014. S. 355.

тотального уничтожения свободы, деформированного тоталитарной системой уклада жизни, но и как источник романтических воспоминаний о детстве, юношестве, первых влюбленностях. Персонажами во многих случаях являлись дети или подростки, что наделяло произведения определенными чертами романа-воспитания: как правило сюжет строился от момента появления персонажа на свет и освещал историю всей его жизни до настоящего дня или смерти героя. Например, одним из первых романов с подобным построением повествования стал еще в конце 1990-х принесший своему автору И. Доушковой невероятную популярность «Грдый Буджеш» / *Hrdý Budžeš* (1998). В романе раскрывается история одной творческой семьи в период нормализации; повествование ведется от лица маленькой девочки, которая пытается осознать правила жизни в тоталитарном обществе, кажущиеся ей нелогичными и странными. Рассказ от лица ребенка с присущей ему наивностью и непредвзятым взглядом на жизнь позволяет продемонстрировать комичность сложившегося уклада. Подобный прием характерен для творчества Б. Грабала и, в целом, не является новаторским для чешской литературы (и мировой вообще), однако во многом именно он позволил произведению Доушковой снискать популярность у читателей. В последующих романах, ставших продолжением «Грдый Буджеш», — «Онегин был русским» / *Oněgin byl Rusák* (2006) и «О белых слонах» / *O bílých slonech* (2008) — несколько романтизированные воспоминания о 1980-х гг. отходят на второй план, уступая больше места критическому анализу. С подобной же темой рефлексии нормализационных процессов мы сталкиваемся и в других произведениях того периода, например, в успешном романе П. Гуловой «Сторожи гражданского добра» 2010 г., в котором так же сделан акцент на мотиве взросления в период нормализации, в романе П. Шабаха «Пьяные бананы» / *Opilé banány* (2001) и др.

Таким образом, можно сказать, что к концу 2010-х гг. на чешском книжном рынке формируется устойчивый пласт романов с рассматриваемой в подобном ключе социальной проблематикой. Об этом свидетельствуют и результаты голосования на присуждении премии «Чешский бестселлер»<sup>3</sup>. Обладателем премии несколько раз становились Х. Ружичкова — за автобиографию «Дневник между жизнью и

---

3 Информацию о премии, номинациях и участниках с 2013 г. см. на портале: Český bestseller. URL: <http://www.ceskybestseller.cz/> (дата обращения: 20.04.2021); информацию о первых присужденных премиях можно найти на странице: Přehled literárních cen, archiv ocenění. URL: <https://knihy.abz.cz/web/literarni-ceny/cena-cesky-bestseller> (дата обращения: 23.07.2021).

смертью» / *Deník mezi životem a smrtí* и «Дневник между жизнью и смертью II» / *Deník mezi životem a smrtí II*, написанные совместно с журналисткой М. Формачковой (2002 и 2003 гг. соответственно), М. Вивег — за «Рассказы о любви» / *Povídky o lásce*, «Биожена» / *Biomanzželka* (2009 и 2010 гг.), З. Сверак — за «Рассказы» / *Povídky* и «Новые рассказы» / *Nové povídky* (2008 и 2011 гг.) и т. д. Особенно часто данную премию получала Г. Павловская (2001, 2004, 2007 гг.), а также она несколько раз побеждала в номинации «Выбор читателей». Однако это автор достаточно неоднозначный, специализирующийся на простых, тяготеющих к бульварному чтиву, романах для женщин. Периодически публикует книги с советами для женщин, кулинарными рецептами и т. д.

Отдельно, однако, стоит рассмотреть сам принцип работы данной премии и условия ее присуждения. Это единственная существующая на территории Чешской Республики литературная премия, которая присуждается не за содержание произведения, а за его коммерческую успешность на рынке. Причем данная оценка проводится лишь в рамках определенных ресурсов: в первую очередь это «основатель» премии, портал Knihcentrum.cz, крупнейший книжный онлайн-магазин, а также службы Audioteka.cz (сайт, а также мобильное приложение, продающее доступ к аудиокнигам и позволяющее их прослушивать онлайн). Премия присуждается с 2001 г. в следующих категориях:

- Чешская беллетристика для детей и юношества,
- Переводная литература для детей и юношества,
- Кулинарные книги,
- Научная и научно-популярная литература,
- Здоровье и здоровый образ жизни,
- Биография,
- Аудиокниги,
- Переводная литература для взрослых,
- Чешская беллетристика для взрослых — Чешский бестселлер (главная номинация).

Премия, несомненно, имеет достаточно высокую ценность в рамках рынка книжной продукции. О результатах конкурса пишут в СМИ, в книжных магазинах книги, победившие в номинации, получают торжественную наклейку «бестселлер в категории...», однако, к сожалению (или к счастью), ни данная наклейка, ни сама премия не характеризуют произведение с точки зрения его роли в литературном процессе в целом. Достаточно часто, что можно видеть на примере произведений Павловской, данная премия присуждается романам «на злобу дня», которые быстро утрачивают актуальность.

Более объективной платформой, анализирующей состояние литературного процесса, а не книжного рынка, является премия Magnesia Litera, присуждаемая с 2002 года в категориях:

- Книга года
- Литера за прозу
- Литера за поэзию
- Литера за научно-популярную литературу
- Литера за перевод книги
- Литера за вклад в издательское дело
- Литера за открытие года
- Литера за вклад в чешскую литературу<sup>4</sup>.

Членами комиссии являются книгоиздатели, председатели союзов писателей и писательских организаций, переводчики, специалисты по мировой и чешской литературе, что делает премию более интересной непосредственно с точки зрения анализа литературного процесса. Однако часто произведения, оказавшиеся в центре внимания судейской комиссии, нацелены на определенную прослойку населения: в первую очередь это потребители элитарной культуры. Таким образом, рассматриваемые работы зачастую объективно интересны и с тематической, и с формальной точки зрения. Большую часть лауреатов в категории «Проза» и «Книга года» также составляют исторические, социально-исторические романы, автобиографические романы с элементами психоанализа и саморефлексии, психологические прозаические произведения, что позволяет (соотнеся с интересами читателей на основе премии «Чешский бестселлер») утверждать о лидирующей роли данных жанров в развитии актуального литературного процесса. Особого интереса заслуживают романы о частных судьбах в истории Чехословакии последних десятилетий.

На волне интереса к романам «о частных судьбах на фоне большой истории» на рынок литературной продукции вошла первая книга писательницы Алены Морнштайновой. Морнштайнова родилась в 1963 г., но литературную деятельность начала только в 2013 г., опубликовав роман «Контурная карта» / *Slepá mapa*. Повествование в романе ведется от первого лица, с позиции (вначале) маленькой девочки Анежки, которая знакомит нас с жизнью трех поколений женщин в ее семье — ее бабушки Анны и мамы Алжбеты. Девочка задумывается, почему имена всех женщин в их семье начинаются на «А» и почему она вообще появилась

---

4 Подробнее о премии см.: URL: <https://www.magnesia-litera.cz/> (дата обращения: 15.08.2021).

на свет: «Люди приходят на свет по разным причинам — по любви, случайно, по ошибке. Я появилась на свет из-за квартиры»<sup>5</sup>. Подобный обличительный тон повествования, присущий детям (которые не стремятся соблюдать общественные конвенции), постепенно смягчается по мере взросления героини, однако в целом отрывистость повествования и его темп остается быстрым: превалируют простые, малораспространенные предложения, редко с большим количеством придаточных, делающие повествование весьма динамичным. Отсутствие развернутых описаний компенсируется и частотой событий, и умением автора выбирать яркие элементы для создания образов персонажей (например, когда героиня встречается с хозяйкой аптеки, первое, что она подмечает, — ее лакированные туфли с большой золотой пряжкой, признак состоятельности, хорошего вкуса, и, однако, некоторой консервативности). Также способствуют созданию атмосферы времени умело подбираемые автором устойчивые образы, обороты и публицизмы, присущие описываемому периоду. Некоторые из них понятны лишь при знании культурного и исторического контекста.

Однако в центре интереса автора остаются не столько исторические события, сколько их влияние на развитие ключевых персонажей. Психологические особенности многих из них раскрываются лишь в определенных обстоятельствах. Главная героиня «предает» своего первого мужа, решив «подорвать» его партизанскую деятельность во время войны, чтобы, как она считает, сохранить ему жизнь. Однако ее усилия оказываются тщетными, а воспоминания о предательстве и его последствиях — гибели мужа — болезненно сказываются на ее жизни: она считает себя виновной в его смерти. Муж ее сестры, Фридрих, вступает в НСДАП только потому, что надеется, что его, изгоя, никогда не имевшего друзей, кто-то оценит и примет. Этот поступок приводит лишь к тому, что он вынужден застрелить в лагере заключенного, к которому он испытывает своего рода влюбленность (похожую, скорее, на божественное откровение, о чем говорит и стиль повествования, и имя заключенного — Петр, и его рассказы о «праведной жизни», Боге и Добре, которые впервые заставляют Фридриха задуматься о цели своего пребывания в лагере надзирателем, о цели войны и собственной роли в ней). После смерти Петр является ему в видениях и зовет его за собой («Я сейчас не могу с вами говорить. Знаете, я здесь жду Петра. Мы собираемся пожениться и вместе уйти на небеса»<sup>6</sup>). В романе

5 *Mornštajnová A. Slepá mapa. Brno, 2013. S. 6.*

6 *Ibid. S. 123.*

перечислены все ключевые события чехословацкой истории с 1930-х гг. по 1970-е. Судьбы персонажей вплетены в ткань истории, но одновременно сами по себе являются историей, семейной сагой, хроникой, по стилю тяготеющей к жанру дневниковых записей (откровенные, краткие, телеграфичные).

Не менее удачным примером жанра семейной хроники у Морнштайновой можно считать следующий ее роман, «Отельчик» / *Hotýlek* (2015), описывающий историю жизни Вацлава и его семьи с момента рождения главного героя, 1942 г., вплоть до самой его смерти в конце 1980-х гг. Нарративная структура произведения в большей степени соответствует жанру семейной саги: происходит смена 1-го лица повествования, рассказчика, на 3-е. Всеведущий нарратор все так же сухо, с превалированием простых предложений, рассказывает истории жизни всей весьма многочисленной семьи Вацлава. Описания или обширные монологи с элементами психоанализа в произведении практически отсутствуют, компенсируясь сменой точек зрения и демонстрацией отношения персонажей к описываемым событиям при помощи лексических особенностей речи. Так, например, повествование нарратора — нейтральное, соответствующее норме литературного чешского языка, однако часто трансформируется при смещении точки зрения в поле конкретного персонажа: «В школе, правда, говорили, что товарищ учительница эмигрировала, или свалила за бугор, как говорил негодный Прецлик, а господин директор из-за этого порядочно попал, а всю школу перетряхивать не хотел»<sup>7</sup>. Сводный брат Вацлава, Олдржих, «не соответствует облику социалистического гражданина»<sup>8</sup>, поэтому части, повествующие о нем, часто усиливаются посредством жаргонной лексики или обиходно-разговорных выражений. Дедушка Леопольд, управляющий отелем и настоящий делец, оценивая невесту Вацлава, думал, что это «порядочная жена для дела»<sup>9</sup>, которая сможет понять принципы их «деликатной работы» (в отеле нелегально снимали комнаты пары для любовных утех). В сравнении с первой книгой автора многие<sup>10</sup> отмечали местами чрезмерное

7 *Mornštajnová A. Hotýlek. Brno, 2015. S. 30.*

8 *Ibid. S. 49.*

9 *Ibid. S. 60.* При этом используется экспрессивное, разговорное слово *kšeft*, возникшее от немецкого *Geschäft*, которое нередко в произведениях Морнштайновой употребляется в речи торговцев и дельцов (см., например, речь Алоиса Урбанека в романе «Гана»).

10 Например, Л. Зелинкова в рецензии на роман отмечает некоторую схематичность в описании персонажей, существование которых на



упрощение стиля, которое не воспринимается критично лишь благодаря живому сюжету, наличию нескольких любовных линий, за которыми интересно наблюдать, детективному элементу в середине и рамочной композиции (с первой страницы мы знаем, что главный герой мертв, все последующее повествование — его жизнь от рождения до момента, как он поскользнется на слизьяке и разобьет голову о раковину: «И Вацлав, и расплющенный слизьяк погибли на месте. Им и не довелось подумать, что это утро было слишком прекрасным, чтобы умирать»<sup>11</sup>).

Об успехе данных двух романов могут говорить и переиздания 2018 и 2019 гг., и то, что одни достаточно часто становятся центром дискуссий.

Следующий роман, «Гана» / *Hana* (2017) — без сомнения самый успешный роман Морнштайновой. Автор снова возвращается к повествованию от первого лица, благодаря чему ему удастся проникать в сознание героини, а также ограничивать ее «обзор», создавая сюжет с элементами тайны. Основная «загадка» сюжета — как выстроится жизнь главной героини, семилетней Миры, потерявший всю свою семью в 1954 г. В этот год в Чехословакии, в Валашском Мезиржичи (родной город Морнштайновой), происходит эпидемия тифа, унесшая жизни 11 человек, что стало основой сюжета романа: семья Миры умирает, она оказывается на попечении Ганы, странной, бессловесной, кажущейся старой тети, сестры ее матери. Гана одета во все черное, не говорит, почти не выходит из дома, получает пособие по инвалидности и почти не ест: она постоянно сосет одну старую корку хлеба своим беззубым ртом, пока та совсем не растворится. Со временем Мира меняет жизнь Ганы (чуда, конечно, не происходит, Гана не говорит и ведет себя все так же, но заботится о Мире так, как может), и именно в этот момент повествование переключается и дальше ведется в *ich*-форме от лица Ганы. Мы встречаем ее в больнице, больную тифом и умирающую. В бессознательном состоянии она, ведомая голосами и своими страхами, совершает попытку самоубийства, но выживает. Мы узнаем, что она — еврейка и во время войны вместе с семьей попала в лагерь Терезин, где Гана прожила до самого конца во-

---

страницах романа как будто направлено исключительно на то, чтобы на их примере проиллюстрировать, какое влияние на человека оказывают переломные моменты истории. См. в: *Zelinková L. RECENZE: Mornštajnová opět zkoumá obyčejného českého člověka // Novinky.cz. 27.07. 2015. URL: <https://www.novinky.cz/kultura/clanek/recenze-mornstajnova-opet-zkouma-obycejneho-ceskeho-cloveka-315578> (дата обращения: 15.08.2021).*

<sup>11</sup> *Mornštajnová A. Hotýlek. Brno, 2015. S. 6.*

йны. Вся ее семья же погибла в Освенциме. Кроме единственной сестры, Росы, которую удалось спрятать на долгих 3 года на чердаке у знакомых. Гана сухо, безэмоционально описывает все то, что с ними происходило, из чего мы узнаем, что она — косвенная виновница гибели всей семьи: не желая уезжать в Англию и бросать любимого мужчину (не отвечавшего ей взаимностью), она не относит на почту нужные документы вовремя, лишая семью возможности уехать. Она же — причина гибели семьи Росы, о чем мы узнаем в самом конце: именно она принесла пирожные из пекарни в центре города, ставшей источником эпидемии.

Роман, таким образом, также имеет рамочную композицию (в конце мы уже от лица Ганы узнаем о причине смерти семьи Миры), и так же, как и «Отельчик» и, в некоторой степени, «Контурная карта», произведение отличает наличие некой «тайны» (присущей всей истории или характерной только для одного персонажа), которая помогает удерживать читателя в напряжении. В отличие от предыдущих романов, однако, «Гана» лишена сатиричности: безэмоциональность и сухость повествования создают не комичное, но ужасающее впечатление благодаря избранной тематике. Например, особенно жестокими кажутся сцены насилия, подаваемые сухо, нераспространенными предложениями, в которых превалируют глаголы действия.

Среди отзывов на данный роман сложно найти негативные, однако последняя часть и ее совершенно неожиданная высокая мера жестокости вызывали дискомфорт у читателей. Книгу крайне положительно приняли, она практически сразу стала бестселлером. Это одна из самых высоко оцененных книг чешской литературы последнего десятилетия. Достаточно быстро после издания бумажной книги вышли ее аудио- и электронная версия. Появилось большое количество статей и интервью с автором. В одном из них Морнштайнова рассказала, что вдохновение для образа Ганы она нашла в истории своей бабушки, которая заболела во время той самой эпидемии и по неясным причинам также выпала из окна, но осталась жива. Вторым источником вдохновения стали интервью людей, переживших холокост. Морнштайнова отметила, что после просмотра нескольких десятков видео поняла, что все их объединяет одно: нежелание вспоминать и рассуждать, почему выжили именно они, а не их близкие и родные<sup>12</sup>. Это тяжелое чувство

---

12 *Jandrová L.* Alena Mornštajnová: Slovo je silná zbraň, dá se jí velmi ublížit i pomoci // *Novinky.cz*. 28.07.2019. URL: <https://www.novinky.cz/zena/styl/clanek/alena-mornstajnova-slovo-je-silna-zbran-da-se-jim-velmi-ublizit-i-pomoci-40291325> (дата обращения: 16.08.2021).

вины, которое невозможно осознать и описать, стало важнейшей частью характера Ганы.

Примечательна еще одна особенность издания романа — обложка, которую разработала сама Морнштайнова. Если посмотреть на изображенное на обложке пирожное, традиционный чешский «венец», и прочесть надписи по часовой стрелке, получится “*Maminka má narozeniny*”, “*Ironie osudu*”, “*Rozhlas hlásí smrt*”, “*A co budu dělat já?*” («Мама празднует день рождения», «Ирония судьбы», «Радио сообщает о смерти», «А что делать мне?»). Надписи, во-первых, являются кратким изложением завязки романа, а во-вторых, если сложить первые буквы, образуют акроним имени МИРА. Издательство о тайном смысле обложки не знало.

После «Ганы» Морнштайнова взяла некоторую паузу. Написание следующего романа ушли два года, о чем сам автор говорит как о «дозревании текста». В 2018 г. на книжный рынок вышел роман «Тихие годы» / *Tiché roky*. Повествование ведется снова в *ich*-форме, но в более медитативном тоне. Главная героиня, Богдана, отличается нетривиальным восприятием мира: она романтична, мечтательна и впечатлительна. Снова, что стало уже привычным для произведений Морнштайновой, в центре повествования — тайна, на сей раз связанная с тяжелой атмосферой в доме и ее причиной, а также с тем, почему ее умирающая бабушка назвала ее Бланкой и кто такая Бланка. Грубый и немногословный отец, Сватоплук, является полной противоположностью своей дочери и своей сожительницы, Беллы. Белла в глазах Богданы — удивительный мир, полный запаха клея (она создает коллажи) и лаванды, мечтами об искусстве и Франции. Сватоплук на этом фоне предстает настоящим тираном. Однако при помощи того же приема, что мы встречаем в «Гане», чередования историй Богданы и Сватоплука, мы узнаем, что причиной его закрытости и ненависти к миру стала судьба его первой дочери, Бланки, которая, сбив на машине человека, была вынуждена бежать за границу. Сватоплук тяжело переживал трагедию, но решил вместе с супругой на второго ребенка. Однако супруга почти сразу после появления на свет Богданы умерла от рака, в чем Сватоплук в душе обвинил маленькую дочь. Маленький плачущий и зовущий маму ребенок раздражал его. Параллельно в истории Богданы мы наблюдаем постепенное сближение отца и дочери. Так, уже взрослая Богдана ищет подход к своему отцу, узнает, кто такая Бланка и «страшную тайну семьи», принимает ее, чем словно помогает своему разбитому инсульту отцу ее нести.

Как и во многих произведениях Морнштайновой, в конце происходит раскрытие второй тайны: после смерти жены Сватоплук, разозлившись на Богдану, накричал на нее и бросил на пол, из-за чего девочка осталась немой на всю жизнь. Обнажившаяся тайна раскрывает перед нами тот факт, что все те моменты, когда Богдана «говорит» (а повествование дано именно в *ich*-форме), оказываются лишь ее видением коммуникации с окружающим миром, в реальности же она способна говорить только с Беллой посредством знаков и записок, а также с мужем, понимающим ее без слов. Это вызывает у читателя желание перечитать роман снова, уже зная, что большая часть изображаемых коммуникативных ситуаций — фикция, придуманная Богданой как способ восприятия мира.

Примечательно, что сама Морнштайнова считает последний свой роман более успешным, так как она «всегда хотела написать об отношениях, но [у меня. — *Прим. пер.*] получалось что-то другое»<sup>13</sup>. Оценки читателей, однако, остались на стороне «Ганы», тогда как премию «Чешский бестселлер» в 2019 г. получила именно книга «Тихие годы». Ее стиль, более медитативный и менее сатиричный, все же не лишил притягательности все характерные для Морнштайновой элементы, а именно — глубокую психологизацию персонажей, способность концентрировать внимание читателя на ярких образах, наличие скрытых аспектов повествования (что создает у читателя иллюзию отображения реальной жизни, где будущее скрыто и туманно). Все это позволило роману стать образцом социально-психологического романа в новом тысячелетии.

А. Краликова отмечает, что в современной чешской литературе сформировался целый пласт авторов (П. Соукупова, П. Дворжакова, В. Ганишова, К. Тучкова) с определенной проблематикой текстов: авторы-женщины, центром произведений которых является изображение судьбы женщин<sup>14</sup>. Произведения Морнштайновой, несомненно, относятся к этой же категории, однако им удалось достичь куда большего успеха у читательской публики (примечательно, что романы писательницы по объему тиража превзошли знаменитые в Чехии скандинавские детективы и публикации переводов главного автора

---

13 Ibidem.

14 *Horký P.* Mornštajnová je součástí vlny autorek, s nimiž se mohou čtenářky identifikovat // *Respekt*. 26. 2. 2020. URL: <https://www.respekt.cz/kultura/mornstajnova-nabizi-velky-pribeh-v-kole-dejin-a-neklade-ctenari-prekazky> (дата обращения: 16.08.2021).

в данном жанре Ю. Несбё). Обусловлено это, с одной стороны, легкостью повествования (как с точки зрения языка, так и благодаря достаточно простой нарративной структуре), наличию сильной эпической составляющей, за развитием которой читателю интересно следить. С другой стороны, немаловажным фактором является исторический фон, изображение «большой истории», которая, переплетаясь с судьбой персонажей, заставляет ожить в памяти читателя события недавнего прошлого. Нарратив исторической памяти в произведениях Морнштайновой построен по принципу узнавания (использование реальных локусов, событий, фактов), что в совокупности с глубокой психологизацией персонажей позволяет читателям идентифицировать их судьбы со своей. Таким образом, романы писательницы представляют собой удачную комбинацию яркого сюжета, изображения жизни людей, межличностных отношений, семейной саги и «большой истории», подаваемой посредством легкого повествования.

### Источники и литература

Český bestseller. URL: <http://www.ceskybestseller.cz/> (дата обращения: 20.04.2021).

*Fialová A., Hruška P., Jungmannová L.* V souřadnicích mnohosti Česká literatura první dekády jednadvacátého století v souvislostech a interpretacích. Praha: Academie, 2014. 817 s.

*Horký P.* Mornštajnová je součástí vlny autorek, s nimiž se mohou čtenářky identifikovat // Respekt. 26.2.2020. URL: <https://www.respekt.cz/kultura/mornstajnova-nabizi-velky-pribeh-v-kole-dejin-a-neklade-ctenari-prekazky> (дата обращения: 16.05.2021).

*Jandrová L.* Alena Mornštajnová: Slovo je silná zbraň, dá se jím velmi ublížit i pomoci // Novinky.cz. 28.7.2019. URL: <https://www.novinky.cz/zena/styl/clanek/alena-mornstajnova-slovo-je-silna-zbran-da-se-jim-velmi-ublizit-i-pomoci-40291325> (дата обращения: 15.05.2021).

*Kratochvil J.* Obnovení chosu v české literatuře // Literární noviny. 1992. Č. 47. S. 5.

Magnesia Litera. URL: <https://www.magnesia-litera.cz/> (дата обращения: 15.08.2021).

*Mornštajnová A.* Hana. Brno: Host, 2017. 310 s.

*Mornštajnová A.* Hotýlek. Brno: Host, 2015. 319 s.

*Mornštajnová A.* Slepá mapa. Brno: Host, 2018. 396 s.

*Mornštajnová A.* Tiché roky. Brno: Host, 2019. 296 s.

Přehled literárních cen, archiv ocenění. URL: <https://knihy.abz.cz/web/literarni-ceny/cena-cesky-bestseller> (дата обращения: 23.07.2021).

Zelinková L. RECENZE: Mornštajnová opět zkoumá obyčejného českého člověka // *Novinky.cz*. 27.7.2015. URL: <https://www.novinky.cz/kultura/clanek/recenze-mornstajnova-opet-zkouma-obycejneho-ceskeho-cloveka-315578> (дата обращения: 15.08.2021).

## References

*Český bestseller*, <http://www.ceskybestseller.cz/>. Accessed 20 April 2021.

Fialová, A., Hruška, P., Jungmannová, L. *V souřadnicích mnohosti Česká literatura první dekády jednadvacátého století v souvislostech a interpretacích*. Prague: Academie, 2014, 817 p.

Horký, P. “Mornštajnová je součástí vlny autorek, s nimiž se mohou čtenářky identifikovat.” *Respekt*, 26 Febr. 2020, <https://www.respekt.cz/kultura/mornstajnova-nabizi-velky-pribeh-v-kole-dejin-a-neklade-ctenari-prekazky>. Accessed 16 May 2021.

Jandrová, L. “Alena Mornštajnová: Slovo je silná zbraň, dá se jím velmi ublížit i pomoci.” *Novinky.cz*, 28 July 2019, <https://www.novinky.cz/zena/styl/clanek/alena-mornstajnova-slovo-je-silna-zbran-da-se-jim-velmi-ublizit-i-pomoci-40291325>. Accessed 15 May 2021.

Kratochvíl, J. “Obnovení chosu v české literatuře”. *Literární noviny*, vol. 47, 1992, p. 5.

*Magnesia Litera*, <https://www.magnesia-litera.cz/>. Accessed 15 Aug. 2021.

Mornštajnová, A. *Hotýlek*. Brno: Host, 2015, 319 p.

Mornštajnová, A. *Hana*. Brno: Host, 2017, 310 p.

Mornštajnová, A. *Slepá mapa*. Brno: Host, 2018, 396 p.

Mornštajnová, A. *Tiché roky*. Brno: Host, 2019, 296 p.

*Přehled literárních cen, archiv ocenění*, <https://knihy.abz.cz/web/literarni-ceny/cena-cesky-bestseller>. Accessed 23 July 2021.

Zelinková, L. “RECENZE: Mornštajnová opět zkoumá obyčejného českého člověka”. *Novinky.cz*, 27 July 2015, <https://www.novinky.cz/kultura/clanek/recenze-mornstajnova-opet-zkouma-obycejneho-ceskeho-cloveka-315578>. Accessed 15 August 2021.

**The socio-psychological novel on the modern Czech book market  
(based on Alena Mornštajnová's works)**

Svetlana A. Kozhina

Junior research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: lana-0391@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6539-1941

Citation

*Kozhina S. A.* The socio-psychological novel on the modern Czech book market (based on Alena Mornštajnová's works) // *Slavic Almanac*. 2021. No 3–4. P. 296–310 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2021.3-4.4.03

Received: 28.08.2021.

Abstract

The modern Czech literary market (after 1989) has undergone significant changes. Its development was influenced, in particular, by the commercialization of the cultural sphere. The article describes the current (since 1989) literary process in the Czech Republic, presents the most successful — primarily from a commercial point of view — works in order to trace the most striking trends in modern Czech literature. The article provides an overview of contemporary Czech literary awards, nominations, as well as participating works. Particularly emphasized is the phenomenon of the growing popularity of works reflecting the events of recent history (the second half of the 20th century). An example of these trends are Alena Mornštajnová's works — *The Blind Map* (2013), *The Little Hotel* (2015), *Hana* (2017) and *Years of Silence* (2019). When characterizing the novels, special attention is paid to the role of historical plots and motives, as well as their influence on the modification of the genre of the socio-psychological novel in modern Czech literature. Moreover, the article dwells upon on Mornštajnová's artistic processing of historical material. She uses it as a method to depict psychological transformations of the characters, thus creating an effect of reader's involvement (through "recognizing" oneself and one's life story in the life story of the character).

Keywords

*Contemporary Czech literature, bestseller, Alena Mornštajnová, psychological fiction.*